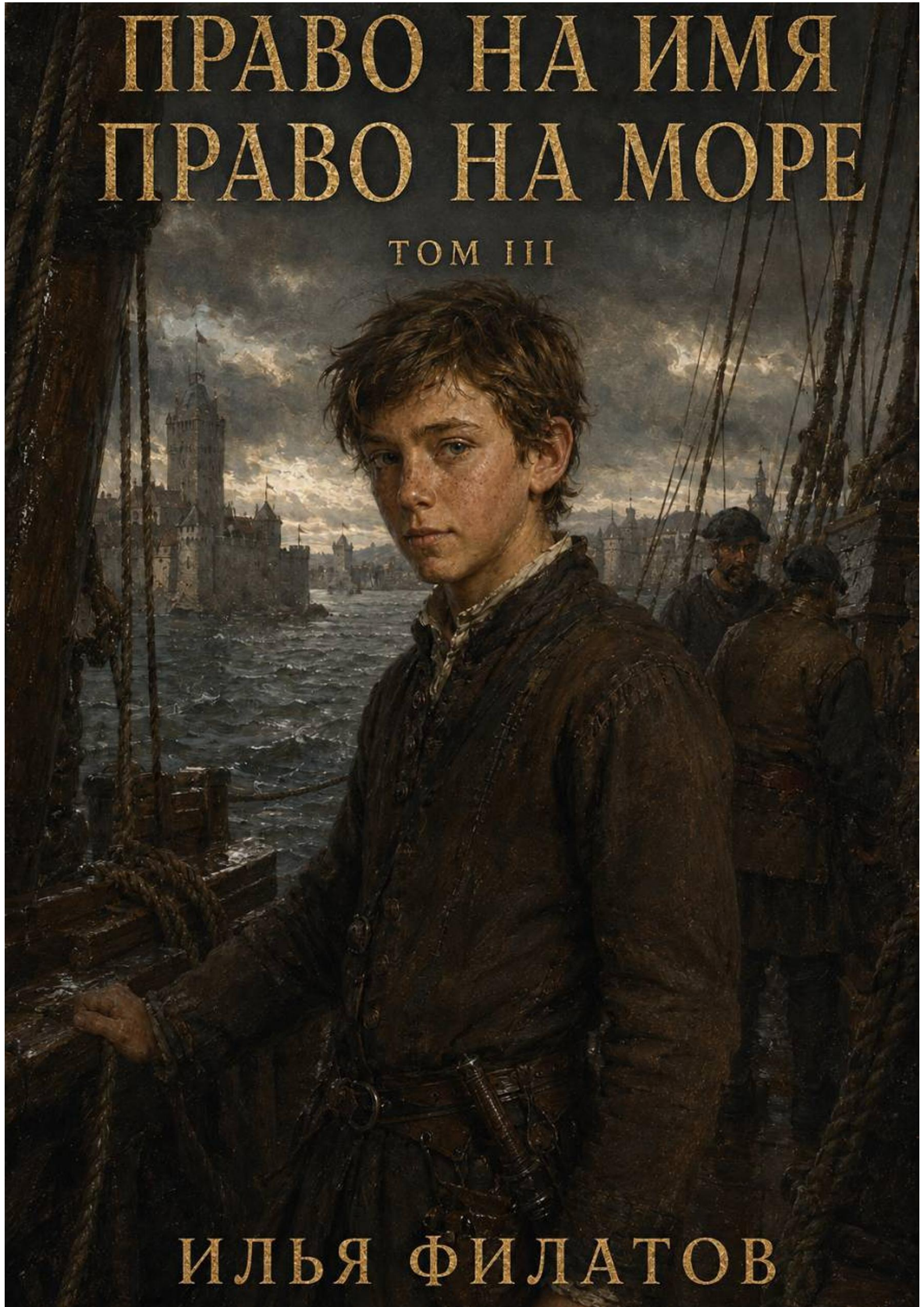

ПРАВО НА ИМЯ ПРАВО НА МОРЕ

ТОМ III

ИЛЬЯ ФИЛАТОВ

Право на имя

Илья Филатов

Право на море

«Автор»

2026

Филатов И.

Право на море / И. Филатов — «Автор», 2026 — (Право на имя)

В пятнадцать лет Маттис Крузе получает долю в судне и выход к Балтийскому морю. Кажется, теперь одну заставу можно обойти водой. Но на море чужой груз отнимают законной печатью, партнёры защищают собственную прибыль, а капитан и команда не обязаны погибать ради замыслов молодого купца. Шторм, подлог и первая настоящая схватка испытывают Маттиса сильнее прежних врагов. Ему предстоит превратить несовершенное оружие в преимущество, научиться доверять людям, которых невозможно купить, и встретить Анну Линде — женщину, хранящую часть опасного архива и не собирающуюся становиться чьей-либо наградой. Право владеть судном можно приобрести за серебро. Право вести людей за собой придётся заслужить.

© Филатов И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. Чужая палуба	5
Глава 1. Река кончается морем	5
Глава 2. Руки выросли	9
Глава 3. Капитанская правда	14
Глава 4. Соль на палубе	17
Глава 5. Чужой причал	20
Глава 6. Доля шкипера	23
Часть вторая. Море не даёт расписок	26
Глава 7. Море не даёт расписок	26
Глава 8. Цена сухого трюма	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Илья Филатов

Право на имя. Право на море

Часть первая. Чужая палуба

Глава 1. Река кончается морем

Устье Наровы, конец октября 1552 года

В устье мы пришли покупать себе другой выход.

Мы собирались всего лишь испытать «Марфу» до устья. Накануне выхода Гаврила принёс весть: на «Трёх чайках» разбирают борт, хозяину одной из долей нужны деньги. Я задержал отца после ужина. Он сначала велел не покупать следующую беду, пока не проверили первую, а потом сам спросил, сколько весеннего воска возьмёт морское судно. До полуночи мы составили предложение. Подпись Хинрика ещё пахла свежими чернилами.

Пока «Марфа» шла мимо низкого берега, Павел в третий раз проверял, хватит ли денег на зимние заказы после задатка за морской ремонт. Я оставил ему книгу, а сам поднялся к Семёну. Старый лодочник стоял у руля в распахнутом тулупе; на воде холод чувствовался иначе, и я уже пожалел, что счёл лишнюю рубаху грузом.

— Туда? — спросил он, показывая на дальний навес.

— Сначала к рыбакам. Посмотрю, можно ли оттуда перегружать без городской стоянки.

— Можно. Дороже.

— Насколько?

— Купишь корабль — узнаешь.

Я не покупал корабль. Пока у меня была одна восьмая этой ладьи, работающая дорога и достаточно денег, чтобы первым заплатить за работу, которую другие лишь обсуждали. Пять лет назад Хинрик мог не пустить меня к собственной книге. Теперь его подпись стояла под моим предложением, и это я настоял: осмотреть судно следует до зимы, пока свободны плотники.

Отец хотел место для весеннего воска. Мне нужен был путь дальше Ревеля, который можно сохранить, если одну заставу закроют, один купец передумает или большой сосед начнёт войну. Через шесть лет привычных мне дорог могло не стать. По крайней мере одну следовало успеть продлить до моря.

Об этом сроке я никому не говорил. Назвал Хинрику более близкий довод: когда весь груз упирается в одного морского перевозчика, доход нашей дороги считает чужой человек. Отец посчитал сам и согласился.

Мне было пятнадцать. Я вырос почти на две ладони, уверенно держал клинок, попадал стрелой в круг с пятидесяти шагов и умел поставить обоз так, чтобы первому разбойнику пришлось сначала решать неудобную задачу. Морем я ещё не ходил. Но и на дорогу выходил когда-то впервые — теперь по ней ехали наши люди без моего ежедневного присутствия.

Павел оставил в Нарве Дитеру письма и сроки. Фосс получал плату только по названному договору. Гунд, укравший часть каппелевских денег, оставался без найденного двора и подтверждённого следа; Гаврила не разрешил платить за очередной слух. Освальд ушёл с обозом Бруно. Никого из них не пришлось бросать ради нового дела.

— Свободных сорок с половиной, — сказал подошедший Павел. — Твои деньги и товарищества отдельно. Ещё десять резерва не трогаем. За весь ремонт обещать не сможешь.

— Поэтому обещаю часть.

— Я напомним при капитане.

— Напоминай. Только не раньше, чем он назовёт цену.

Павел спрятал книгу под полу.

— Хотя бы один раз ты влюбился во что-нибудь, что не требует задатка.

— Вот море. Пока бесплатно.

Семён посмотрел на нас и коротко засмеялся.

Перед мелью лодочник дал мне лот: человек на носу должен был оставить своё место ради ослабшего крепления. Метки я понял сразу, но первый промер взял неверно — груз утянуло за борт.

— Бросай раньше. Пока верёвка прямо не встала, не называй, — сказал Семён.

На втором броске я почувствовал дно и крикнул глубину. Дальше уже успевал подбирать слабинку. Семён вёл по створам; я подавал голос с носа, глядя, как между тёмными полосами воды проступает песок. Холодная пенька жгла ладонь, ладья мерно поднималась на короткой волне. Ничего похожего на карту, но вполне понятная работа.

За мелью Тённис показал мне новую подкладку под креплением. Сухопутный плотник заметил тёртый конец раньше лодочника. Семён одобрительно потрогал кожу и спросил, есть ли ещё. Через минуту они уже делили цену за четыре штуки.

Павел спросил Семёна, когда можно будет привезти остальные подкладки, и снова достал книгу. Я отошёл к носу, оставив им место: наш плотник уже нашёл себе первую работу на воде без моей помощи.

Устьевые склады стояли на низком берегу. Здесь речной груз снимали с ладей, проверяли, сушили и перегружали на морские суда. За молом качались три небольших корабля. Два принадлежали ревельским домам. Третий — тёмный, широкобокий, с выцветшей зелёной полосой — носил на корме трёх белых чаек.

— «Три чайки», — прочёл Павел. — Капитан Мартин Лод.

Он показал запись в портовой копии. Павел Сальк больше не экономил каждый клочок воска и не прятал руки под столом. В пятнадцать лет он оставался худым, говорил редко и вёл наши книги так, будто каждая цифра могла однажды дать показания против хозяина. Именно поэтому я доверял ему больше, чем людям, обещавшим верность.

— Лод возит соль из Ревеля, ткань из Любека и всё, за что ему не запретили платить, — добавил Гаврила. — Большую часть судна прежние хозяева отдали кредиторам.

— Кому именно?

— Двум старым кредиторам. Грете Беккер, вдове любекского торговца, принадлежат две шестых. Ещё две — Яну Роосу, нарвскому торговцу льном. Последняя шестая пока у прежнего владельца, который хочет выйти из дела. У Лода — одна.

— Значит, корабль уже шесть раз поделен между людьми, которые не стоят на его палубе.

— Добро пожаловать на море.

Капитана мы нашли в трюме. Он стоял по колени в снятых досках и спорил с плотником. Мартину Лоду было около сорока. Светлая борода выгорела почти добела, левая бровь рассекалась старым шрамом, на шее висел деревянный свисток. Он не выглядел ни пиратом, ни героем. Скорее человеком, который слишком часто платил за чужие красивые решения ремонтом собственного корабля.

Гаврила назвал нас. Лод взглянул на меня, затем на Тённиса.

— Где хозяин?

— Перед вами, — ответил я.

— Который?

— В зависимости от доли — ни один.

Он снова посмотрел на Гаврилу.

— Мальчик шутит?

— Иногда. Потом дорого считает.

Я показал договор на речной фрахт и своё предложение с подписью Хинрика: дом Крузе готов был оплатить часть весеннего ремонта «Трёх чаек» в обмен на место под груз и право выкупить долю, если один из залогодержателей потребует расчёта. Следом положил список уже обещанных весенних партий. Деньги на доски капитану предлагали многие; работу после ремонта мы привезли с собой.

Лод прочёл не торопясь. Он умел читать хорошо, но дважды вернулся к строке о праве капитана отказаться от опасного груза.

— Здесь написано, что решение моё.

— Так и есть.

— Тогда почему цена ремонта определяется вашей проверкой?

— Потому что платить будем мы.

— Значит, при споре о ремонте окончательное слово всё равно остаётся у вашего человека?

Он говорил без угрозы. Просто показывал дыру в договоре, которую мы считали разумным ограничением.

— Кто осматривает корпус для вас? — спросил Лод.

Я указал на Тённиса.

Плотник Рауд шагнул к открытой обшивке. За три года он вытянулся и раздался в плечах, но сохранил привычку проверять любую речь костяшками пальцев. Постучал по ребру, соскоблил тёмное дерево ножом, понюхал.

— Это менять. Здесь можно вставку. Вон ту доску капитан зря снял.

Корабельный плотник вскинулся:

— Она повела!

— Не доску. Опору под ней.

— С берега лучше видно?

— Из дерева.

Они присели рядом и перестали замечать остальных. Через несколько минут уже спорили не о праве, а о волокнах, швах и цене дуба. Лод слушал.

— Твой человек? — спросил он меня.

— Заказывает у нас перевозку, я у него — тару. Работу принимает сам.

— То есть не твой.

— Тённис вообще редко чей-то.

— Хорошо.

Капитан поднялся по трапу. На палубе ветер бил сильнее. За молом серела Балтика — не огромное синее море с картинок, а тяжёлая вода, в которой не было ни одной прямой дороги.

— Мне предлагают деньги ещё двое, — сказал Лод. — Ревельский дом хочет весь весенний фрахт. Советник Каппель — право первого отказа на железо. Почему я должен взять вас?

— Мы привезём груз сами. От Пскова до устья — наши возчики, здесь своя ладья. Весной вам не придётся стоять из-за того, что чей-то приказчик не нашёл телегу. И весь парус нам не нужен: оставшееся место продавайте, кому захотите.

Лод развернул список весенних партий. На этот раз его интересовали даты, а не моя подпись. Он назвал два срока, которые хотел сдвинуть, чтобы успеть за обратной солью. Один нам подходил; о втором пришлось посоветоваться с Павлом.

Он указал на три белые чайки.

— Знаешь, почему их три?

— Нет.

— Потому что первая жена считала одну некрасивой, вторая требовала две для удачи, а третья сказала, что я глупец и могу нарисовать хоть стаю. С третьей до сих пор живу.

Гаврила кашлянул, пряча смешок.

— Море научило выбирать женщин? — спросил я.

— Нет. Оно научило не принимать везение за навык.

Капитан протянул договор.

— У меня есть поручение продать последнюю шестую прежнего хозяина, — сказал Лод. — Он согласен взять часть цены ремонтом: четыре новых ребра, конопатка правого борта и половина паруса. После первого рейса осмотрим работу, сведём расходы с ценой и передадим долю. До тех пор — место под груз по обычной плате. Осмотр делают оба плотника. При разногласии о выходе решаю я; спор о счёте выносим на берег.

— Почему после рейса?

— Потому что новый шов проверяют под нагрузкой. Доля принадлежит другому человеку; я не стану принимать за него незавершённую работу.

— Принимаю. А весенние партии вы берёте сейчас, по названной цене. Если найдёте более дорогой груз, наш не оставляете на берегу.

Лод ещё раз посмотрел список.

— При исправном судне и безопасном выходе. Приёмку перед погрузкой делаем вместе. Теперь это было предложение, за которым стояло что-то с обеих сторон.

Мы не ударили по рукам. Павел записал условия. Гаврила потребовал предел дополнительных расходов. Тённис и корабельный плотник вылезли из трюма уже почти друзьями и тут же поссорились из-за смолы.

Я стоял у борта и смотрел на море.

Когда-то Константин читал о Балтике в тёплой квартире. На карте она помещалась между пальцами. Здесь ветер резал щёки, вода поднимала тяжёлый корпус как щепку, а чужое судно требовало денег ещё до того, как соглашалось стать частично своим.

Река привела меня к морю и закончилась.

Дальше предстояло строить дорогу на том, что не держит следов.

Глава 2. Руки выросли

Нарва, январь 1553 года

Первый удар Гаврилы прошёл там, где полгода назад находилось моё плечо.

Я ушёл в сторону, попробовал войти под руку и зацепился носком за мёрзлую землю. Деревянный клинок ткнулся в пустоту. Дядя развернулся, добавил мне гардой в грудь и остановил острие у горла.

— Снова, — сказал он.

— Я уже умер.

— Значит, терять нечего.

Мы тренировались на дворе старого склада. Тённис натянул между столбами грубую ткань, чтобы прохожие не видели занятий, а Гертруда прислала новую стёганую защиту. Преведная стала мала. За два года руки вытянулись, плечи расширились, ступни будто однажды ночью решили принадлежать другому человеку.

В голове я по-прежнему знал, где заканчивается моё движение. Тело каждый месяц переносило эту границу.

— Ты бьёшь старой рукой, — сказал Гаврила.

— Другой пока не выдали.

— Выдали. Длиннее на два пальца. Привыкай.

Мы прошли связку медленно, затем прибавили скорость. В пятнадцать лет я был выше большинства ровесников и заметно техничнее многих взрослых, которые брали меч только на городские смотры. Гаврила оставался сильнее, однако теперь менял стойку, когда я начинал второй вход. Раньше ему хватало стоять и ждать моей ошибки.

После часа клинка мы перешли к луку. У стены стояли три мишени: на двадцати, сорока и шестидесяти шагах. Стрелы лежали отдельными связками, отмеченными синей, красной и чёрной нитью. Тённис изготовил простую рамку с двумя опорами; мы подвешивали к середине древка одинаковый груз и смотрели, насколько оно прогибается. Мастер продолжал утверждать, что хороший глаз сделает то же самое быстрее. Потом начал пользоваться рамкой, когда думал, что я не вижу.

Я выпустил пять стрел. Четыре вошли в дальнюю мишень, две — в круг размером с голову.

— Ещё, — сказал Гаврила.

— Плечо устало.

— Поэтому ещё две. Не десять.

Шестая ушла ниже. Седьмая сорвалась вправо.

— Вот граница, — произнёс он. — Запомни не попадания. Запомни, после какого перестал стрелять ты и начала гордость.

Я снял тетиву.

На складе ждал Освальд Мяги, шестнадцатилетний сын городского стражника. Два с лишним года назад он пришёл в первый обоз Бруно на испытательный срок и с тех пор успел стать старшим охранником. Он уже прикрывал меня щитом; я уже слушался его на дороге. Это не мешало ему третий день требовать состязания. В прошлый раз я выиграл у него за счёт ног, и теперь Освальд хотел проверить, успели ли они вырасти вслед за руками.

Освальд сидел на бочке, ел сушёную рыбу и увидел мишени.

— Шестидесять шагов? — спросил он.

— Примерно, — ответил я.

— А круг зачем такой большой?

— Чтобы ты заметил.

Он усмехнулся.

— Дай лук.

Гаврила покачал головой.

— Чужим луком не хвастаются.

— Я сперва натяжение попробую. Разрешешь?

Я снова надел тетиву и протянул лук. Освальд проверил его, сделал два неполных натяжения и спросил о нитках на связках. Я объяснил, как мы сортируем древки. Он потёр указательным пальцем перо, взял одну стрелу из синей связки и попросил ещё две такие же. Дорожная служба отучила его считать осторожность чужим недостатком.

— Три стрелы. Сложим расстояния до середины: чья сумма меньше, тот выиграл.

— На что?

— Проигравший неделю чистит двор после лошадей.

— У тебя нет лошадей.

— У Бруно есть.

Брат как раз вышел из конторы. Услышал последние слова и прислонился к двери.

— Согласен, — сказал он. — Навоз всё равно кому-то убирать.

Мы дали друг другу по одному пробному выстрелу. Освальд запомнил поправку: в зачётной серии первая стрела вошла в наружный круг, вторая легла ближе к середине, третью снесло к правому краю. Все три остались в мишени.

— Твоя очередь.

Плечо уже ныло. Я опустил лук и попросил передышку. Освальд кивнул, даже не попытавшись поддеть: он хотел выиграть у меня, а не у моей усталости. Гаврила заставил меня пройти по двору и размять кисть. В первые годы я часто скрывал скорость, притворялся слабее и позволял людям объяснять успехи дядиным покровительством. Теперь выросшее тело позволяло проверить себя открыто.

Иногда победу нужно не использовать, а показать. Иначе противник не знает, чего бояться, а союзник — на что рассчитывать.

Я взял синюю связку.

— Значит, берёшь такие же, — заметил Освальд.

— Чтобы ты потом не требовал суда над стрелами.

— Я требую только твою неделю у конюшни.

— Если промахнусь, можешь начать радоваться. Пока рано.

Первую стрелу я пустил ниже привычной отметки. Она вошла в наружный круг. Вторая легла на ширину ладони слева от середины. Третью пришлось держать дольше из-за порыва ветра. Плечо задрожало. Я отпустил между двумя ударами сердца.

Стрела вошла почти в середину.

Во дворе стало тихо.

Освальд сам сходил к мишени и сосчитал расстояния от середины. Вернулся без улыбки и протянул мне собранные стрелы.

— Неделю, значит. С клинком завтра? Или теперь до весны будешь занят?

— Завтра, — ответил за меня Гаврила. — До трёх касаний. И оба наденете защиту.

Утром Освальд пришёл раньше меня. Разминался возле конюшни, не давая Бруно подойти с лопатой: сначала следовало закончить спор.

Первое касание он взял сразу. Показал замах к плечу, коротко повернул кисть и ткнул меня под локоть. Я ждал прежнего силового напора, а он успел научиться другому.

— Один, — сказал Гаврила.

Освальд отошёл, сохраняя стойку. По лицу я видел: смеяться будет потом, если выиграет.

Я перестал экономить внимание. Дважды отступил под его связку, проверяя, последует ли длинный шаг. Не последовал. На третьем сближении сам навязал скрещение, отвёл его кли-

нок и достал бедро. Следующий обмен закончился обоюдным касанием; Гаврила не засчитал никому. Пот уже полз между лопатками.

Освальд вытеснил меня к ткани. Ещё шаг — и отступать некуда. Он помнил, как я ловил его у края, и теперь возвращал долг без всякой спешки. Я показал поворот вправо. Его остриё двинулось наперерез, но ноги остались под корпусом: первую уловку он прочитал. Пришлось идти ближе, чем хотелось. Наши гарды стукнулись, я почувствовал его силу и вместо толчка развернул кисть. Конец моего клинка коснулся груди.

Два — один. Освальд выдохнул сквозь зубы и попросил Гаврилу поправить развязавшийся ремень. Я тоже воспользовался паузой. При настоящем железе цена подобного сближения была бы иной; сейчас я узнал, что уже могу удержать нужное расстояние даже под его давлением.

Последнее касание пришлось добывать долго. Освальд перестал выпускать остриё из середины, не откликался на мелкие движения, а когда я попытался повторить вход, сбил мой клинок в сторону. Я отступил и сменил ритм: два коротких шага, пауза, ещё один — как будто снова собирался теснить. Он встретил ожидаемое скрещение. Мой клинок уже уходил под его гарду. Я коснулся его раньше ответного укола.

— Три, — сказал дядя.

Освальд замер, глядя на место касания. Потом отступил и поднял клинок рукоятью к груди.

— Хорошо. Вот это хорошо.

От похвалы старого противника меня разобрало сильнее, чем от самой победы. Я спрятал улыбку поздно; Освальд всё равно увидел.

— Не привыкай. Я ещё живой.

Бруно наконец вынес лопату.

— Вот и отлично. Больше никто не ранен? Тогда пропускаю к лопате.

Освальд снял защиту и принялся за конюшню. К полудню я принёс ему кружку воды.

— Наслаждаешься? — спросил он.

— Да.

Честность удивила его.

— Тогда зачем вода?

— Ты третий раз на пустое ведро смотришь. Пей, пока я добрый.

Он выпил.

— Последнюю стрелу ты дольше держал, — сказал он. — Ветер ждал?

— Его. Плечо уже ходило ходуном.

Освальд стукнул кружкой по ручке лопаты.

— А я поторопился. Решил, что сейчас сдует сильнее.

— Могло и сдуть.

— Утешил. Вчера мне казалось, что сегодня ты будешь тут счастливый и с лопатой.

Он сам фыркнул, неохотно, будто смех тоже шёл в мой выигрыш. Я присел на край пустого корыта. За стеной били молотком; Освальд дождался, пока перестанут, и уже тише спросил:

— Последний вход заранее выбрал?

— После второго касания. Ты перестал ловить мой клинок, и я решил заставить тебя снова это сделать.

— А я подумал, ты устал и забыл, что уже пробовал.

Он покрутил пустую кружку. Мне хотелось объяснить всё разом, но тогда пришлось бы признать, как близко его остриё прошло от моего плеча. Я решил объяснить и это.

— Покажи потом помедленнее, — попросил Освальд. — Я тебе первый удар покажу. Только без Бруно: он мне с утра уже два раза предложил постоянное место при конюшне.

— После работы зайдёшь. И рамку покажу.

— Неделю скостишь?

— Вот сейчас ты опять широко пошёл.

Освальд усмехнулся и поднял лопату. Вечером мы разобрали оба удара без зрителей. Его короткий доворот оказался неудобнее, чем я думал; мой вход он на третий раз закрыл. К весне хотелось уметь больше, чем мы умели сегодня. В этом мы наконец сходились без спора.

Через неделю Освальд заказал Тённису рамку для обозной охраны. Больше ничего о нашем споре не говорил. Зато однажды, когда Бруно отправлял людей к западной заставе, сам предложил дать мне дальний лук. Я услышал это из конторы и не вышел. Некоторые слова легче произнести, пока тот, кому они предназначены, будто бы занят другим.

В тот же день Мартин Лод прислал за мной юнгу.

Микку было тринадцать, он вырос в семье устьевых рыбаков и уже второй сезон ходил на «Трёх чайках». Это был невысокий рыжий мальчишка с обветренными руками взрослого и убеждением, что любой сухопутный человек создан для развлечения команды.

— Капитан велел привести хозяина, — сказал он.

— Будущего совладельца, — поправил я.

— Тогда какую часть вести? Голова нужна или ноги?

Освальд прыснул в кружку. Я решил не помогать ему навозом и пошёл целиком.

«Три чайки» стояли у ремонтного настила. Вода у бортов покрылась тонким льдом, а на палубе ждали четыре ящика со снятой оснасткой. Лод хотел освободить место плотникам до сумерек. Возчики, которых обещал прежний владелец, не пришли.

— Твои дорожные люди сегодня в городе? — спросил капитан.

— Двое у Бруно. До этого настила телега не пройдёт.

— Вижу. Поэтому позвал не телегу.

Я прошёл по настилу. У нижнего поворота доски выгнуло морозом, тяжёлый ящик застрял бы между перилами. Вместо четырёх носильщиков я послал за двумя санями для разгрузки, которыми мы пользовались на складах. Попросил Тённиса осмотреть поворот, Микка — показать, где принимают тяжесть с борта. Затем распределил людей: на каждом конце один голос, остальные поднимают только после него.

Микк подошёл, пока я вязал петлю под первым ящиком.

— После тяги не отдашь, — сказал он.

— На телеге отдавалась.

— Телега не мокнет три дня подряд. Дай конец.

Он показал другой узел. Я повторил, потянул, развязал. Со второй попытки пальцы запомнили разницу. Через час мы сняли все четыре ящика; ни один не пришлось переворачивать. Йост, корабельный плотник, с которым Тённис спорил о правом борте, получил палубу до того, как погас дневной свет.

— Ещё за два часа заплачу, — сказал Лод. — Хочу снять верхнюю связку.

Микк уже полез на ванты. Я пошёл следом со страховочным концом: морской узел требовалось почувствовать под настоящей тяжестью, пока рядом человек, который может поправить.

Наверху судно качнулось. За бортом тёрлись льдины. Я замер, и на мгновение под пальцами оказался не канат, а мокрый край сваи. Юргенов сапог. Чёрная вода.

— Слева есть опора, — сказал Микк. Без смеха.

Я нашёл её ступнёй, выдохнул и переставил руку. Страх не исчез; просто на следующее движение его уже хватало меньше. Микк подождал, пока я поднимусь, и сунул мне конец.

Мы сняли связку вместе. На земле люди получили её ровно там, где я оставил сани. Я почувствовал почти детскую радость: работа, придуманная наверху, дошла до земли целой.

После расчёта Микк потребовал монету за обучение.

— Капитан тебе платит.

— За корабль. Ты тяжелее.

Я дал монету. Он попробовал надкусить её, как взрослый купец, скривился и незаметно проверил передний зуб языком.

— Дорого взял? — спросил я.

— Медь плохая.

— Жалуйся Павлу. Только зуб приложи к заявлению.

На следующий день Микк пришёл в склад посмотреть на сани. Я показал, как мы проводили груз через тесные ворота, а он научил меня закрепляться одной рукой. К весне шапку на глаза натягивали друг другу уже оба: в темноте руки должны были сами находить нужный конец. Микк оставался быстрее. Зато его первый самостоятельный расчёт разгрузки Павел переписывать не стал.

Глава 3. Капитанская правда

Устье Наровы, май 1553 года

Весенний груз для «Трёх чаек» состоял из воска, кожи, двух ящиков кованых изделий и двадцати бочек псковского сала. По книге всё помещалось.

Мартин Лод сверил погрузочную дощечку с открытым трюмом и велел оставить на берегу восемь бочек.

— По весу проходим, — сказал я. — Где не сошлось?

— Слезь, покажу.

Восемь бочек ещё стояли на причале. На моём рисунке для них оставалось место у кормовой переборки. В трюме это место занимали помпа и снятая часть настила: Йост хотел видеть новый шов во время первого рейса.

Я присел рядом с плотником.

— После проверки настил вернёте?

— В Нарве. Сейчас оставим открытым. Потечёт — сразу доберусь.

— Можно сдвинуть кожу к носу?

— Тогда закроешь второй подход, — ответил Лод. — Вес ты посчитал верно. Я тебе не дал размера прохода после ремонта.

Признавать ошибку мне было легче, когда не приходилось сперва защищаться от обвинения в желании утопить собственный груз. Я позвал Павла и перечеркнул на дощечке кормовое место.

Бруно, присланный отцом присмотреть за первым рейсом, тут же напомнил о плате за оставленные бочки.

— Знаю. Две из них уже обещаны покупателю, — ответил я. — Остальные шесть можно провести следующей ладьёй до склада. Семён пока здесь?

— Собирается уходить.

— Тогда я к нему. Павел, выпиши номера, чтобы нам не продали наше же сало во второй раз.

Я успел договориться до снятия сходни. Семён взял шесть бочек в ближайшую речную ходку по обычной плате; двум срочным предстояло ждать на сухом складе и идти следующим морским рейсом. За отсрочку покупатель ещё мог потребовать скидку. Неприятно, но не причина заставлять плотника ползать к течи сквозь сало.

Когда я вернулся, Павел объяснял капитану, какие строки придётся перенести.

— Значит, восьми не будет. Эти шесть идут отдельно, здесь два новых срока, — сказал он. — Подпись нужна и ваша, иначе в Ревеле сочтут недостачей.

Лод смотрел на него с интересом.

— Кто отвечает за книги на судне?

— Судовой писец, — сказал я.

— Был. Сломал руку. Пойдёшь вместо него, парень?

Павел растерялся.

— Я не моряк.

— Научишься блевать с подветренного борта. Остальное умеешь.

— Он ведёт ещё и наши расчёты, — сказал я. — Павел, потянешь обе книги?

Павел помедлил, перебирая листы. На море он ещё не ходил писцом; признаться в сомнении при капитане не хотелось.

— Если ты сам будешь проверять приёмку у покупателя, потяну. А за судовую книгу отвечать стану перед Лодом. Иначе вы вдвоём мне одну строку в разные стороны исправите.

— Договорились.

— Сколько платите? — спросил он капитана.

— Как младшему писцу. Еда отдельно. За риск добавка после рейса.

— Какая?

— Полшейкеля, если вернёмся без потери груза. Один, если попадём в задержание или шторм.

Павел задумался.

— То есть за хорошую запись о дурной погоде платят больше?

— За работу, парень. В дурную погоду её почему-то прибавляется.

— Тогда запишите и основную плату, — попросил Павел. — Я согласен.

Лод подозревал своего человека за договорной дощечкой. Павел уже собирался сесть, но передумал и проверил, сухая ли доска под ним. Учёба началась раньше отхода.

Оставленные на берегу бочки Павел вычеркнул из судовой описи при Лод. В Нарве за них теперь отвечали Семён и склад, а не отсутствующий груз в нашей книге.

Первая морская вахта началась ещё у причала. Старший рулевой Рейн проверял, как судно слушается руля после зимнего ремонта; он говорил с Мартином короткими фразами и смотрел не на парус, а на воду у свай. Корабельный плотник Йост полз вдоль правого борта, прикладывая ладонь к новым швам. Микк носил сообщения между ними и каждый раз находил путь, на котором успевал задеть меня плечом.

— Случайно? — спросил я после третьего раза.

— Палуба узкая.

— А улыбка широкая.

— Её капитан не велел убирать.

Павел занял место у кормовой надстройки, привязал журнал и чернильницу разными концами, после чего привязал себя. Первый узел Лод развязал одним движением.

— Это для груза, — сказал капитан. — Человека так затянет под рёбрами.

— Маттис показывал.

Все посмотрели на меня.

— Я показывал другой.

— Он был занят шапкой, — сообщил Микк.

— Микк, — сказал я, — твою шапку я ещё найду.

Юнга предусмотрительно отошёл за капитана.

Рейн вывел судно из устья. Я стоял возле него и пытался связать положение паруса, движение волн и курс с тем, что когда-то знал по схемам. Стрелка компаса дрожала. Берег медленно смещался. Ветер дул, по моему ощущению, почти сбоку.

Рейн обходил светлую полосу. После осенней «Марфы» я уже знал, что искать, и присел к борту: отсюда было заметно, как волна ломается над отмелью. Судно за кормой пошло прямее. Я успел показать ему рукой, но на чужой палубе приняли жест за приветствие. Через минуту корпус ткнулся в песок.

— Вот теперь нас надолго запомнят, — сказал я.

Рейн велел Микку развернуть предупредительную дощечку к следующей ладье. Та обошла мель по нашему следу. Четверть часа мы потеряли, второй экипаж — день; Павел на полях пометил, кому при обратном пути передать новый промер.

Когда открылась настоящая волна, меня начало мутить. Сначала я счёл это голодом, затем запахом сала, затем слабостью чужого тела. После третьей попытки придумать достойное объяснение пришлось перегнуться с подветренного борта.

Бруно стоял рядом подозрительно бодрый.

— Морской совладелец, — сказал он.

— Знакомлюсь с морем ближе.

— Убедительно?

— Не разговаривай со мной.

Через несколько минут его самого вывернуло на сапоги. Родственная справедливость иногда приходит быстро и пахнет одинаково.

Павел держался дольше. Потом отдал перо Микку, успел сказать: «Запиши время», и сел прямо на палубу.

— Что писать? — спросил юнга.

— Что судовой писец временно не способен лгать ровными строками.

Микк вывел в журнале кривой знак. Позднее Павел не стёр его: первая запись, сделанная другим человеком, напоминала, что книга принадлежит рейсу, а не одному почерку.

К вечеру море успокоилось. Йост нашёл влажное место у нового шва. Не течь — несколько капель, выступивших при работе корпуса. Тённис заявил, что виновата старая доска рядом. Йост ответил, что новые вставки всегда заставляют старое дерево двигаться иначе.

— Кто прав? — спросил я Лода.

— Оба, пока не полезли внутрь. Потом один станет виноватым.

Плотники сняли узкую часть настила и до темноты подбивали паклю. Я хотел помочь, но Йост дал мне фонарь.

— Держи ровно.

— Я умею работать ножом.

— Поэтому и не дам его возле моего борта.

На суше Тённис считался мастером, я — владельцем, Йост — наёмным корабельным плотником. В трюме порядок определяла вода. Тённис слушал Йоста. Я держал свет. Никто от этого не стал меньше.

Рейс прошёл при ясном небе. Ни одной новой течи, ни одного опасного крена. Бруно весь путь напоминал, сколько мы потеряли на оставленном грузе. Лод не оправдывался.

У регельского причала капитан подвёл меня к борту и показал свежую вмятину возле ватерлинии.

— Прижало к свае, когда течение повернуло. Здесь плотник вечером проверит.

— С восемью бочками ударило бы ниже?

— Ниже и тяжелее. Раскололась бы доска или выдержала — не скажу. Проверять не станем.

Я провёл пальцем по сырому дереву. Оставленные бочки не доказали правоту каждого капитанского слова. Зато свободный проход уже пригодился Йосту, а запас осадки не исчез оттого, что шторм нас миновал.

— Перед обратной погрузкой сойдём вниз втроём, — сказал я. — Ты, Йост и я. Чтобы твой проход не появлялся вместо моего товара в последний момент.

— Сойдём. Настил вернём — возьмём больше.

— И начнём спорить с новых чисел.

— Так хоть спор будет новый, — согласился Лод.

На причале Бруно уже торговался за соль. Я забрал у Павла приёмную дощечку и пошёл к покупателю: капитан привёл судно, теперь следовало заработать ему следующий рейс.

Мартин остался у борта с плотником. Я видел, как он провёл ладонью по зелёной полосе и стряхнул прилипшую щепку. Он ждал от первого рейса заработка не меньше моего: за зиму задолжал людям, которые ходили с ним годами. К покупателю я пошёл быстрее.

Глава 4. Соль на палубе

Ревель, май 1553 года

Ревель встретил нас запахом соли и уверенностью большого города, что все малые порты существуют ради его удобства.

На причале «Трёх чаек» ждал приказ весового двора. Нарвский воск следовало выгружать только через утверждённого посредника. Кожа требовала повторного досмотра. Железные изделия задерживали до проверки назначения. Соль для обратного рейса уже лежала в мешках под навесом и набирала плату за хранение.

— Добро пожаловать, — сказал Юрген Каппель.

После нашего последнего нарвского разговора прошло больше трёх лет.

Семнадцатилетний Юрген вытянулся, избавился от детской округлости лица и научился носить дорогой камзол так, будто не замечал цены. Нос после нашей старой драки сросся с лёгкой горбинкой. Она шла ему больше прежней правильности. Рядом стоял сухой мужчина в чёрной шапке — приказчик дома Эверхарта. Эльбе писала зимой, что Линде отпустил своего архивного ученика: Юрген перешёл к партнёру дома учиться закупкам. Теперь стало видно, чему его учили в первую очередь.

— Ты прислал предупреждение, — сказал я.

— И спас твоей сестре несколько неприятных вопросов.

— Цену так и не назвал.

— Потому что хотел увидеть, вырастешь ли ты до неё.

Гаврила шагнул ближе. Юрген заметил и поклонился ему уважительнее, чем мне.

— Господин Панкратьев. Я слышал, ваши дороги теперь берут плату даже с людей моего отца.

— Дорога не спрашивает фамилию. Только вес телеги.

— У Маттиса научились?

— Нет. Он бы ещё потребовал узнать, кто сидит внутри.

Юрген улыбнулся. Несколько лет назад насмешка дяди стала бы для него разрешением напасть. Теперь он услышал предупреждение: Гаврила знает мои недостатки и всё равно стоит рядом.

— Что требуют за груз? — спросил я.

Приказчик Эверхарта заговорил раньше Юргена:

— Обычную проверку происхождения, повторный вес и пошлину. Если книги чисты, задержка составит не больше трёх дней.

— За три дня соль отсыреет, — сказал Тённис.

— Соль ещё не ваша.

— Но плата за навес уже наша, — заметил Павел, листая расписку.

Приказчик посмотрел на него так, как взрослые смотрят на слугу, заговорившего без приглашения.

— Кто это?

— Павел Сальк, судовой писец этого рейса, — ответил Лод. — Если хотите получить подпись капитана, разговаривайте с тем, кто держит журнал.

Мартин сделал это не ради Павла. Он защищал порядок на судне. Но Павел распрямил плечи.

Юрген отвёл меня к краю причала.

— Дом Эверхарта снимет задержание сегодня, — сказал он. — Воск пойдёт через их весы, кожа — через склад моего наставника. За это ты прекратишь спрашивать Анну Линде о знаке трёх башен.

— Почему?

— Потому что каждый твой вопрос сообщает другим, что ответ ценен.

— Ты заботаешься об Анне?

— Об Эльсбе. Анна может защитить себя. Твоя сестра живёт в доме, который связан с её книгами.

— И о себе.

Он помолчал.

— И о себе.

Это признание было новым. Ребёнком Юрген всегда прятал выгоду за отцовским именем. Теперь понимал: очевидная ложь делает сделку слабее.

— Что будет, если откажусь?

— Груз выпустят через три дня. Возможно, через пять. Ничего страшного. Первая морская поездка принесёт убыток, капитан решит, что Нарва не умеет готовить бумаги, твой брат предложит Хинрику другую схему. Маленькие последствия. Они удобнее угроз.

— А если соглашусь?

— Получишь сегодня соль, сохранишь рейс и перестанешь водить чужое внимание к сестре.

— Взамен отдаю тебе единственный канал к архиву.

— Не мне. Здравому смыслу.

— Он выписывает расписки?

Юрген рассмеялся. Не громко, но по-настоящему.

— Я скучал по твоей манере превращать отказ в оскорбление.

— А я — по тому, как ты называешь угрозу заботой.

— Мы взрослеем, Маттис. Некоторые привычки лучше оставить.

Я не ответил сразу. Со стороны это выглядело простым выбором между грузом и вопросом. Я видел ещё три вещи. Приказчик Эверхарта стоял достаточно близко, чтобы следить за лицом Юргена. На приказе о задержании чернила высохли не полностью — его выписали после нашего входа в гавань. И Юрген предложил прекратить спрашивать Анну, но ничего не сказал о самом знаке.

— Хорошо, — произнёс я. — Анну больше не спрашиваю.

Гаврила нахмурился. Павел поднял глаза от книги. Юрген протянул руку.

Я пожал.

Через час приказ сняли. К вечеру соль лежала на палубе под двойным полотном, грузчики заканчивали укладку, а ревельская плата перестала расти.

— Отдал источник ради одного рейса, — сказал Бруно.

— Нет.

— Ты обещал.

— Не спрашивать Анну.

— И как узнаешь остальное?

Я показал на Павла. Тот раскрыл судовой журнал. На обороте ревельской расписки стояла служебная отметка весового двора — три башни и маленькая буква, отличавшая этот склад от остальных.

Рядом писец поставил угловатую двойную насечку. Павел нашёл такой же знак на разрешении войти в гавань: сбор за обе бумаги внёс дом Вестера, ревельские купцы, известные не столько товарами, сколько родственниками в городских канцеляриях. Они не задерживали нас и ничего не требовали. Просто оплатили дверь, через которую Эверхарт собирался провести разговор.

— Мы перестали спрашивать человека, — сказал Павел. — Теперь спрашиваем бумаги.

Павлу я поручил сохранить оба оттиска и выяснить, за какие ещё дома платит Вестер. Свою догадку о старой связи с материнскими книгами пока придержал: сперва следовало отличить общий весовой знак от следа нужных нам людей.

Когда стемнело, Юрген пришёл на корабль один.

— Приказчик требует вернуть расписку весовой, — сказал он.

— Основание?

— Ошибка в плате за навес.

Я достал лист, не выпуская из руки. Цену Павел проверил ещё днём. Юрген смотрел на оборот — туда, где стояли чужие знаки.

— Пусть присылает исправление. Оригинал останется в журнале.

— Он так и думал.

— Что ты ему ответишь?

Юрген не спешил. Внизу двое грузчиков натягивали полотно над солью; один держал угол зубами и сердито мычал на второго.

— Что уговорил тебя оставить Анну в покое. Это мне поручали. С твоей судовой книгой пусть разбирается сам.

Он впервые провёл границу поперёк приказа собственного наставника. Я не знал, сколько ему стоил этот маленький отказ, и не стал делать вид, будто купил его рукопожатием.

— Хорошо, — сказал я. — Расписку спросишь при свидетелях, если понадобится.

— Уже понадобится. Утром. Ответь коротко, а то он заставит меня пересказывать.

Он шагнул к трапу, потом остановился.

— Я не собирался тебя убивать, — сказал Юрген.

Ветер хлопнул полотном над солью.

— Что?

— Давил сапогом на пальцы, пока ты не отпустил сваю. Я знал, что ты упадёшь. Думал, выплывешь сразу. Когда ты не показался, испугался и убежал.

— Значит, падение было не случайностью.

— Нет.

— Пять лет готовил признание?

— Пять лет решал, имеет ли разница значение.

— Решил?

— Для меня — да. Для тебя, вероятно, нет.

Он ушёл.

Я мог окликнуть, потребовать извинения, ударить или сказать, что давно знал. Вместо этого стоял среди мешков и слушал, как вода бьётся о корпус.

Юрген не стал другом. Он впервые назвал собственную вину без отца, свидетелей и выгоды. Это не возвращало Маттису воздух под водой. Но меняло человека, с которым предстояло воевать дальше.

Утром «Три чайки» вышли из Ревеля. Соль оставалась сухой, первый рейс — прибыльным, а мой старый враг получил подтверждение, что я выполню точную формулировку и нарушу ожидаемый смысл.

Юрген стоял на причале до самого отхода. Рядом с ним опять был приказчик, и на этот раз говорил только он. Сын Каппеля слушал, опустив глаза; когда же посмотрел на судно, я уже убрал руку с борта. Позвать его было незачем. Разговор ещё не закончился, но продолжать его при третьем мы оба не собирались.

Глава 5. Чужой причал

Нарва, июнь 1553 года

В Нарву мы вернулись владельцами шестой доли корабля и обнаружили, что причал нам больше не принадлежит.

За время рейса городской совет передал весеннюю стоянку дому Каппеля. Основание выглядело безупречно: Хинрик Крузе пропустил срок подтверждения старого права на два дня. Письмо отправили вовремя, но воротный писец отметил получение после полуночи. На копии для нас я узнал длинную нижнюю черту Лоренца.

Он и встретил нас на берегу.

— Советник Каппель требует освободить место до вечернего колокола, — сообщил Лоренц.

Я посмотрел на его новую куртку. При отце таких не носил.

— Уже опять у весов? Суд, кажется, велел вам держаться подальше.

— Личный секретарь советника, — ответил Лоренц. — Городской книги не касаюсь. Можете проверить.

— Каппель хорошо поручился.

— Достаточно, чтобы последние месяцы не сидеть в запертой комнате. А срок вышел. Будем обсуждать его или ваш причал?

Лазейку он произнёс почти с удовольствием. Бывший отцовский писец больше не прятал, чьи поручения исполняет: теперь имя хозяина защищало его лучше городской должности.

— Требуется? — переспросил Мартин Лод.

— Стоянка предоставлена его дому.

— Тогда пусть его дом и требует. А ты обращай к капитану.

Лоренц моргнул.

— Я обращался к молодому владельцу.

— На моём корабле обращаются к капитану, когда хотят двигать мой корабль.

— Причал городской.

— Вода тоже?

— Стоянка предоставлена дому Каппеля.

— Пусть ставят дом. Мой корабль выгружает.

Лод отвернулся, завершив разговор. Лоренц покраснел и перевёл взгляд на меня.

— До колокола.

— Мы услышали, — сказал я. — Найди Каппелю свободную воду. У него теперь есть причал.

Шутка ничего не решала. К вечеру судно могли отвести силой, а груз оставить под открытым небом. Бруно уже отправился к отцу. Гаврила — в совет за копией решения. Павел сверял даты. Мне досталась неприятная часть: объяснить команде, почему первая удачная поездка закончилась выселением.

Капитан собрал людей сам.

— Владельцы спорят о досках, — сказал он. — Мы выгружаем до темноты. Кто станет мешать, бросим в воду. Если это будет ратман, сначала снимем дорожную одежду.

Матросы засмеялись и принялись за работу. Лод не сказал, что мы победим. Он дал ближайшую понятную задачу. В армии лучшие командиры делали то же самое, только называли доски высотой, а воду — направлением отхода.

Я прошёл вдоль берега. В ста шагах пустовал старый рыбацкий настил. Слишком мелко для «Трёх чаек», но между ним и судном могла ходить «Марфа». Перегрузка заняла бы весь день, часть соли намокла бы, зато корабль освободил причал без капитуляции.

Проблема — настил принадлежал вдове Авдотье Ржевой. Той самой, у которой мы купили долю лады.

— Одно бесплатное место в каждой третьей поездке, — напомнила она, выслушав меня.
— А не бесплатный причал для твоего моря.

— Сколько?

— Два шейкеля за день.

— Грабёж.

— Нет. Грабитель не выдаёт расписку.

— Один.

— Два и место на морском судне до Ревеля.

— За два шейкеля я построю новый настил.

— Построишь. К вечеру?

Она победила. Я согласился на полтора и право одного малого груза до Ревеля при наличии свободного места. Павел записал ограничение веса, вспоминая прошлую сделку.

Пока «Марфу» готовили к перегрузке, Бруно прислал Освальда с четырьмя обозными охранниками. Бывший школьный противник выслушал задачу, посмотрел на узкий настил и сразу убрал двоих людей к складу.

— Как расставишь? — спросил я Освальда.

— Один у начала, один у склада. Ещё двое с грузом. Здесь всем сразу не развернуться.

Я прошёл к узкому повороту настила и показал на ступеньку.

— Здесь мешки складывать нельзя. Свернут ногу, пока на людей Каппеля смотрят.

Освальд проверил доску каблуком, кивнул и подозвал охранника.

— Видишь? Носильщикам скажи сейчас. Потом не кричи в спину.

Мы договорились: при ссоре груз остаётся на земле, носильщики уходят к складу, охрана закрывает лестницу. Мечи не доставать, пока не достанут они. За разбитую голову причала не купишь.

Лоренц прислал пятерых причальных рабочих через час. Те не предъявили приказа. Встали у дороги и начали громко объяснять носильщикам, что Авдотьин настил гнилой, груз будет признан неправильно выгруженным, а всякий помощник Крузе потеряет работу на городском причале.

Носильщики замедлились. Один поставил мешок.

Я уже выбрал старшего для разговора, когда Освальд негромко сказал:

— Не потащи его в сторону. Остальным только и надо, чтобы носильщики не слышали ответа.

Я остановился у самой лестницы.

— Здесь и поговорим. Держи своих позади. Пусть не думают, что мы собираемся силой заставлять людей таскать соль.

Затем поднял голос:

— За работу у этого настила платит дом Крузе. Сегодня каждый получит своё при Павле. Кто обещает отнять у вас завтрашнюю работу, пусть сначала назовёт хозяина и покажет поручение.

Старший пришедших махнул рукой.

— Совет разберётся, когда доски под вами треснут.

Он не назвал Каппеля. Значит, пугать чужим именем можно, отвечать этим именем — нельзя.

Авдотья решила дело по-своему. Принесла ведро, вылила воду на настил и заставила самого тяжёлого грузчика трижды пройти по мокрым доскам с бочонком песка.

— Кто считает гнилым, пусть не ходит, — объявила она. — Но плату за простой я взыщу с того, кто кричал.

Причальные рабочие не хотели отвечать собственным именем. Через четверть часа ушли. Освальд не вынул меча. Носильщики вернулись к мешкам, и соль продолжила двигаться. Ради этого мы и затеяли всё представление.

Освальд отослал двоих вслед за последней тележкой и только тогда расстегнул ворот. Под курткой у него темнела полоса пота. Я тоже весь разговор держал плечи напряжёнными. Разжать пальцы оказалось приятнее, чем придумать ещё один ответ Лоренцу.

К вечернему колоколу «Три чайки» стояли на якоре, «Марфа» ходила между бортом и рыбацким настилом, а Каппелев причал оставался пуст. Дом советника получил право и не получил ни одного сбора.

Лоренц пришёл проверить.

— Вы освободили место, — сказал он.

— Как просили.

— Но продолжаете выгрузку.

— Не с вашего причала.

Он посмотрел на ладью, настил и Авдотью, которая лично считала мешки.

— Это обойдётся дороже.

— Сегодня — да.

— Тогда зачем?

— Чтобы завтра каждый владелец настила знал: Каппель не может продать нам единственную воду.

Лоренц понял. Монополия держится не на владении всем, а на уверенности остальных, что выбора нет. Мы только что дорого показали выбор.

— Советник найдёт другой способ, — произнёс он.

— Надеюсь. Этот оказался скучным.

Он ушёл.

На следующий день трое хозяев малых настилов предложили нам цены. Через неделю совет вернул старую стоянку Хинрику до рассмотрения спора. Мы потеряли три шейкеля и приобрели запасной путь выгрузки.

Павел записал оба результата.

— В какую строку поставить удовольствие от лица Лоренца? — спросил он.

— В убытки. Оно стоило дороже всего.

Глава 6. Доля шкипера

Нарва, июль 1553 года

В день, когда Мартин Лод собирался купить ещё одну шестую корабля, нам едва не пришлось судиться с её владельцем из-за двух часов у причала.

Баржа Яана Рооса пришла раньше назначенного. У настила стояли «Три чайки»: Йост проверял кормовое крепление. Сам Лод ушёл за расчётом с плотниками. Роосов приказчик уже объявил, что ожидание пойдёт в наш счёт.

Рейн показал мне рябь у настила.

— Сейчас на сваю прижмёт. После Мартина переставим.

На барже лежал лён, кое-как укрытый от мелкого дождя. Я предложил пока перевезти срочные мешки малой лодкой. Приказчик возмутился: вместо свободного причала ему продавали ещё одну работу.

— Пока спорим, у тебя третий мешок мокнет, — сказал я. — Дай людям полотно. Ругаться можно и под ним.

Он оглянулся, выругал уже своих и согласился.

К десяти Лод переставил судно. К одиннадцати мы свели расходы: Роос принимал половину платы лодочникам, мы — еду для двух работников. Я отдал приказчику расписку и пошёл в отцовскую контору вместе с капитаном.

— Ты мог ничего не платить, — заметил Лод.

— Мог. Теперь Роосу будет сложнее начать торг с рассказа, какие мы негодяи.

— Начнёт с другого.

— Зато первый рассказ я уже слышал.

В конторе нас ждали. Роос занял место у окна; его приказчик остался во дворе, чтобы после сделки бежать на таможенный склад. До полудня торговцу требовалось внести сорок шесть шейкелей за задержанный лён. Поэтому сегодня он продавал то, чего ещё вчера жалел: одну из своих двух шестых «Трёх чаек».

Павел положил рядом книгу. У товарищества Крузе была одна шестая, у Лода — тоже одна, по две держали Роос и любекская кредиторша Грета Беккер. Её поверенный пришёл проверить, не изменят ли вместе с продажей чужой доли права его хозяйки.

Мартин выложил сорок восемь серебряных шейкелей.

Роос даже не протянул руки.

— После ремонта цена пятьдесят два.

— Поэтому продавайте другому.

— Вы торгуетесь моим сроком.

— Да, — ответил Лод. — За сорок восемь я возьму сегодня. За пятьдесят два не возьму и зимой.

Торговаться чужой нуждой в присутствии нуждающегося оказалось неприятнее, чем придумывать такой ход вечером. Роос сидел прямо и смотрел не на монеты, а на капитана. Я ждал, что он встанет.

Роос обернулся ко мне.

— Ваш дом мог бы добавить серебряный. Или капитан уступит плату за управление на два рейса. Вам ведь тоже нужен этот выкуп.

Я посмотрел на Лода. Он едва заметно качнул головой.

— За его работу не обещаю, — сказал я. — Сорок девятую мог бы добавить сам. Только тогда вы скажете, от чего отказываетесь взамен.

— От сорока девяти отказываться рано, — вмешался Хинрик. — Пока на столе сорок восемь. Ответьте Мартину.

Бруно сдвинул ко мне пустую чашку и негромко посоветовал занять руки. В семейном торге меня могли бы осадить грубее. Здесь отец пресёк попытку Рооса перенести разговор с покупателя на всех нас сразу; я отпустил кошель под столом.

Роос пересчитал монеты взглядом.

— Откуда вы узнали сумму на таможне, Мартин?

— От ваших возчиков. Они тоже ждут плату.

— Я им за разговоры не плачу.

— Заметил. Разговаривают много.

Роос коротко усмехнулся, потом подозвал приказчика. Тот вошёл, не снимая мокрой шапки, и только у стола вспомнил о хозяевах.

— Ещё ждут?

— До полудня. Писец сказал, потом закроет книгу.

— Оставшуюся шестую никому не обещаю, — сказал Роос. — Ни права первого выкупа, ни новой цены.

Павел вписал условие. Монеты оставались на столе: прежде следовало сверить имена и старое поручение. Капитан снял шапку, провёл рукой по волосам. Только теперь я заметил пот у него на виске.

— Часть заняли? — негромко спросил я.

Лод кивнул.

— Корабль в обеспечении?

— Нет. Двадцать мои. Двадцать восемь одолжил знакомый капитан под плату за управление в двух будущих рейсах. Если не выйдем, возвращаю к зиме своим серебром.

Павел услышал и попросил расписку. Мартин подал её без спора: проверить, не заложено ли общее судно, было нашим делом.

Роос считал, что продаёт слишком дёшево. Капитан сидел напротив и покупал почти всем, что имел, плюс работой, которой ещё не сделал. Я смотрел на них и впервые отчётливо понимал, сколько в Лодовой невозмутимости было не уверенности, а выдержки. Если сейчас Роос встанет, Мартин не сможет бросить следом ещё десять, не попросив кого-нибудь из нас.

Я мог предложить их. Тогда капитан приобрёл бы больше досок и вместе с ними нового хозяина своего долга. Помогать таким способом меня не просили.

Поверенный Беккер закончил чтение. Роос поставил знак, проверил две монеты на весах и велел приказчику нести сорок шесть на склад. Тот убежал, забыв шапку на полу.

В новой строке Павел оставил за Роосом одну шестую, за Лодом — две. Наше товарищество и Беккер сохранили прежнее.

— Теперь договор управления, — сказал Хинрик. — Если капитан сменится, новая доля не исчезнет. Не хочу обнаружить зимой, что плачу за управление человеку, который уже не ходит.

— И я хочу знать, что меня не снимут за отказ топить корабль, — ответил Лод.

Здесь мы торговались дольше, чем за долю. Я предложил трёхлетний найм с отдельной платой: опасность выхода определяет капитан; если владельцы считают отказ корыстным, причины разбирают два заранее выбранных морских человека. Лод назвал одного, отец — другого. До такого разбора чужой груз вместо нашего не брать.

Мартин провёл ногтем вдоль строки и спросил, кто оплачивает ожидание при настоящей поломке. Павел раскрыл смету ремонта. Никто уже не называл это недоверием.

Когда подписи высохли, я вышел во двор. Рейн с Йостом сидели на каменной тумбе; рядом Микк доедал хлеб. Лод показал им копию.

— Получилось.

— А мы всё равно получим жалованье? — спросил Йост.

— Получите.

— Тогда поздравляю. Рейн боялся, ты наше серебро тоже в шесть частей поделишь.
— Не боялся, — сказал рулевой. — Спрашивал.

Мартин сел рядом. Йост взял лист и повертел: читать длинную запись не любил, но своё имя в приложении нашёл сразу.

— На прежнем судне после продажи хозяин поставил своего племянника вместо капитана, — сказал Рейн. — Мы мачту тогда потеряли. Я потому и спрашивал, сколько у тебя теперь голоса.

— Больше. От глупости всех владельцев не спасёт.

— От одного хватит?

— Смотря которого.

Рейн взглянул на меня. Я поднял ладони.

— Меня отец пока только к чашке допускает. Командование вам не грозит.

— На ближайший рейс останетесь? — спросил Лод.

— Я останусь, — сказал Йост. — Только сниму старый крепёж у кормы. Ты мне утром трижды помешал.

Рейн помолчал и тоже кивнул. О собственной плате спросит отдельно, без владельцев. Мне понравилось, что Мартин не потребовал от него радости вместе с согласием.

У ворот появилась капитанская жена. В руках у неё был завернутый в полотно горшок. За ней вошёл молодой матрос с длинной доской на плече; капитан окликнул его:

— Калле, тебе на корабль, не сюда.

— Эта моя, — ответил матрос. — Йост сказал, для борта коротка. Зато у нас дома дождю будет чем заняться.

Калле Саар только собирался в первый полный рейс. Пока помогал при ремонте, откладывал деньги и доски на материнскую крышу. Он опустил находку возле ворот, присел к Микку и безошибочно забрал у него кусок с более толстой коркой. Юнга толкнул его локтем.

— Сам выбрал!

— Ты мне ещё за крючок должен.

— Ты его не сделал.

— Потому и хлебом беру. Серебром было бы нечестно.

Капитанская жена дождалась, пока они поделят корку, и повернулась к мужу. Лод встал прежде, чем она успела открыть рот.

— Удалось? — спросила она.

Он показал лист. Женщина не взяла его, только посмотрела на лицо мужа и поправила выбившуюся прядь.

— Тогда хоть поешь. С утра миску оставил полную, будто дома уже чужое.

— Ты сюда из-за миски шла?

— Из-за горшка. Миска в доме осталась.

Микк предусмотрительно отодвинулся, освободив место. Капитанская жена поставила горшок между моряками и достала хлеб. Я собирался уйти, но Лод придержал меня за рукав.

— Садись, пока за угощение не потребовали долю.

Мы ели прямо во дворе. Роосов приказчик вернулся за шапкой, увидел капитана с ложкой и сообщил, что лён выпустили. Лод кивнул и передал хлеб Рейну. Впервые за всё утро его рука не задержалась над столом.

Бруно позже спросил, доволен ли я новым договором.

— Да. Весной будем спорить о грузе, а не о том, кому принадлежит капитан.

— С твоими договорами человек скоро вовсе перестанет слушать владельцев.

— Зато сегодняшние сроки он прочёл дважды. Пусть слушает их.

Брат взял мою копию, чтобы перечитать. Я отдал: на этот раз интересовало не последнее слово в разговоре, а чтобы наш следующий груз действительно ушёл вовремя.

Часть вторая. Море не даёт расписок

Глава 7. Море не даёт расписок

Балтийское море, октябрь 1553 года

Шторм пришёл ночью, хотя вечером море обещало только свежий ветер.

Обещало оно, разумеется, не нам. Это береговые люди умеют превращать цвет неба в договор. Море ничего не подписывало.

«Три чайки» шли к Нарве с тканью, солью, салом и четырьмя ящиками стеклянной посуды. Первые два часа команда ругалась привычно. Потом ветер повернул, парус пришлось брать, а ругань стала короткой и полезной.

К этому повороту Мартин готовился ещё днём. Он не называл это штормом. Велел убрать лишнюю снасть, проверить крепления верхнего груза и выдать вечернюю еду раньше. Рейн дважды смотрел на длинную волну, которая шла не в сторону местного ветра. Йост спускался в трюм и отмечал мелом влажные швы, чтобы потом отличить старую воду от новой.

Рейн хотел оставить больше воды под килем и возможность лечь удобнее к волне. До укрытого берега предстояло идти в темноте между отмелями. Я выслушал его расчёт и попросил Лода собрать людей до ужина: нам предстояла долгая работа, и хотелось заранее знать, кого можно заменить на ходу.

— Своих распределишь? — спросил капитан.

— И двух у помпы. Пусть Йост выберет, кого. Остальные будут подавать им воду и сменяться с ними, а не толпиться при первом крике.

На дороге я уже видел, как пятеро сильных мужчин одновременно хватаются за упавшую телегу и оставляют без присмотра весь обоз. Здесь за разбежавшийся груз отвечала вода.

Лод позвал Йоста. После их короткого спора у меня появилась работа на нижней палубе и два человека, которых капитан разрешил переставлять без нового окрика сверху.

Лод разделил работу до сумерек. Двое матросов подтянули крепления бочек. Йост потребовал освободить красный проход и отодвинуть один ящик от люка. Повар закрыл горшки в низком ларе и привязал крышку. Микк носил короткие концы, пока Калле не поймал его за ворот.

— Каждый узел проверяешь руками, — сказал молодой матрос. — Глаз ночью работать не станет.

— Мой станет.

— Тогда привяжем тебя к мачте вместо фонаря.

Микк показал язык, но вернулся и потянул первый узел всем весом.

Мне дали проверить четыре крепления на нашем грузе. Первое держало. На втором свободный конец оказался слишком коротким для повторной вязки. Третий Тённис затянул так, что после намокания его можно было только резать. Четвёртое я признал хорошим, пока Калле не показал: верёвка тёрлась о край ящика и при качке быстро потеряет волокна.

— Перед рейсом всё было правильно, — сказал я.

— Перед рейсом стояли у причала, — ответил Калле. — Там и кружка без узла не убегает.

Он подложил кусок старой кожи под место трения. Не изобрёл новую снасть и не ждал приказа владельца. Увидел работу, которую море собиралось сделать с канатом, и успел раньше.

Мы заменили два конца. Один хороший оставили как был, хотя мне хотелось переделать всё после найденной ошибки. Мартин остановил:

— Не трогай исправное перед ночью. Новым узлом тоже надо научиться доверять.

К вечеру меня снова мутило. Я ел сухой хлеб маленькими кусками и делал вид, что рассматриваю горизонт. Микк принёс ковш воды.

— Повар сказал, не пить много.

— А ты зачем принёс полный?

— Хочу увидеть, умеет ли совладелец слушать хотя бы повара.

Я выпил треть и вернул. Юнга одобрительно кивнул, будто лично спас корабль от моего желудка.

Перед темнотой Рейн повторил вахте порядок. Кто держит руль вместе с ним. Кто идёт к парусу. Кто остаётся у помпы. Мартин заставил каждого назвать свою работу вслух. На Калле выпала кормовая часть и помощь у помпы, если вода поднимется. На меня — груз и передача команды от люка к носу.

— Между люком и носом оставим Микка передавать команды, — предложил я. — Груз шумит, с кормы меня не услышат.

— Оставим. Только сперва оба поешьте. Я не обещаю отпустить вас к каше по расписанию.

Я ещё раз спустился к помпе. Один из назначенных туда людей не расслышал, кто его меняет; я вернул его к Йосту и дождался ответа. В трюме пахло салом, смолой и тёплым хлебом. Наверху впервые за вечер пришлось держаться обеими руками.

— К люку! Закрыть правый! Ты — к помпе!

Мартин не кричал громче бури. Он просто повторял, пока человек не показывал, что понял.

Рейн стоял у руля вместе со сменщиком. В обычный день старший кормчий чувствовал отклонение курса раньше, чем я замечал движение стрелки. Теперь он работал всем телом: наваливался на рычаг, отпускал, ловил следующий удар. Мартин дважды менял парус по его короткому предупреждению и ни разу не спросил доказательств.

— Правее идёт! — крикнул Рейн.

Я посмотрел вправо и увидел только стену воды.

— Что?

— Волна. Не ты.

Она ударила через несколько секунд. Судно легло бортом так низко, что море на миг оказалось выше палубы. Привязанные бочки застонали в верёвках. Стекло звякнуло внутри ящиков.

— Верхний ящик за борт! — приказал Лод.

На крышке стояла наша метка. Внутри лежала посуда на одиннадцать шейкелей, уже оплаченная нарвским покупателем. Я запомнил номер и схватился за крепление.

— Тённис, рычаг! Калле, со мной. Павел, одиннадцатый в сброс!

Калле оказался рядом раньше остальных. В этом, втором своём полном рейсе он уже знал, где искать рычаг. Подал его Тённису, достал нож и посмотрел на меня.

— Режу?

— Режи, я держу, — сказал я.

Калле перерезал крепление. Мы втроём подтолкнули ящик к борту. Корабль качнуло обратно, тяжёлая коробка поехала на нас. Матрос успел вставить рычаг, я прижал плечом, ещё двое помогли. Ящик перевалился через ограждение и исчез. На волне мелькнула доска с нашей меткой, потом темнота её забрала.

— Ещё бочку сала! — приказал Мартин.

Я показал Тённису нужное крепление, и мы принялись за бочку.

Внизу сорвались два ящика. Один врезался в борт, второй прижал матросу ногу. Тённис бросился поднимать тяжесть, но палуба ушла вниз и ящик ударил снова. Человек закричал.

Я схватил Тённиса за плечо.

— Не вверх! Упор с этой стороны. Ждём обратного крена.

На зимней дороге мы вытаскивали ногу возчика из-под осевшей телеги. Тогда приходилось самим поднимать то, что сейчас могло качнуться. Я подsunул под край рычаг, Тённис забил деревянный упор. Калле придержал раненого за плечи.

— Сейчас!

Ящик пошёл от нас. Я удержал зазор, Калле вытащил человека. Тённис добавил второй клин прежде, чем тяжесть вернулась. Меня сбило на колени, страховочный конец дёрнул за пояс, но рычаг я отпустил вовремя.

— Ногу можешь согнуть?

Матрос кивнул. Стоять не мог.

— Павел, за мачту его. Возьми сухой холст. Микк, капитану: один выбыл, у нижнего груза порядок держу я.

Юнга повторил и исчез на лестнице. Павел был блее паруса, однако помог человеку добраться до укрытия и вернулся к люку.

Следующая вахта подошла к помпе до того, как у первой отказали руки. Мы меняли людей по двое; освободившийся пил, ел кусок хлеба и садился туда, откуда мог слышать своё имя. Я не помнил, кто придумал этот порядок в прежней жизни. Сейчас было достаточно того, что он работал.

Калле проверил тот самый канат, под который днём подложил кожу. Накладка съехала, но волокна оставались целыми. Он не успел порадоваться: соседняя бочка начала ходить в креплении, каждый раз набирая ещё ладонь размаха.

— Клин сюда! — крикнул он.

Тённис полез за деревянным упором. Я попытался удержать бочку плечом. На суше её можно было остановить весом двоих. Здесь палуба уходила из-под ног раньше, чем мы принимали нагрузку. Первый толчок отбросил меня к люку. Второй прижал Тённису рукав.

Микк не стал тянуть взрослого за руку. Перерезал шнур на рукаве ножом, оставив кусок ткани под бочкой. Тённис выскользнул и выругался.

— Куртку вернёшь!

— Когда море отдаст рукав.

Калле забил клин с противоположной стороны. Бочка остановилась. Я провёл новый конец через нижнее крепление, Тённис подал второй упор. Микк стащил с него остаток рукава и засунул себе за пояс — вернёт, раз хозяин требует.

— Маттис! — позвал Павел сверху.

Я поднялся на палубу. Судовой писец держал под одеждой промасленную дощечку с короткими отметками: время перемены ветра, снятый груз, повреждённый блок, люди у помпы. Бумажный журнал открыть было нельзя.

— Зачем сейчас? — спросил я.

— Утром каждый вспомнит другую бурю.

— Если будет утро.

— Тогда запись не помешает.

Он сунул мне обломок мела.

— Назови, какие два ящика сорвались.

Я назвал по памяти. Павел спросил Микка отдельно и получил другой номер второго. Мы не стали выяснять посреди качки. Поставили оба через черту. Даже в минуту, когда хотелось одного точного ответа, честнее было сохранить разногласие.

Рейн крикнул, что волна меняется. Мартин велел убрать ещё часть паруса. Калле побежал к корме. Микк двинулся за ним, но Йост схватил юнгу за ворот и поставил к фонарю.

— Твоя работа здесь.

— Я быстрее!

— Поэтому быстрее останешься там, где приказали.

Микк ненавидел его несколько ударов сердца. Потом поднял фонарь выше, и люди у снасти увидели запутавшийся конец. В бурю самостоятельность заключалась не только в том, чтобы сделать больше приказа. Иногда — в том, чтобы остаться на маленьком месте, когда всё тело требует бежать к большой беде.

Вода пошла через шов у кормового настила. Помпа работала, но засорилась клочьями пакли. Вдобавок у кормового борта забился водосток: щепки и вымытые из настила клочья пакли не выпускали воду с палубы. Калле вышел к самому ограждению, чтобы прочистить его с наружной стороны. Лод велел привязаться. Калле махнул рукой: короткий конец не позволял дотянуться.

Я увидел это и собирался окликнуть. В тот же момент сверху треснул блок. Все посмотрели на парус. Калле перегнулся ниже.

Удар волны пришёл с кормы.

Матрос исчез.

Верёвку бросили сразу. Потом вторую. Мартин повернул судно настолько, насколько позволяли ветер и груз. Мы видели руку в тёмной воде, затем голову. Калле схватил конец, но пальцы сорвались. Через несколько секунд между нами легла волна.

— Лодку! — крикнул я.

Рейн даже не повернул головы.

— Убьёшь ещё троих.

Рабочая лодка висела у борта, дёргаясь на таях. Чтобы спустить её, требовалось остановить людей у паруса, освободить крепления и попасть маленьким корпусом в воду так, чтобы следующая волна не разбила его о нас. В спокойной гавани работа занимала минуты. Здесь каждая минута меняла место, где мог быть Калле.

Я схватил конец третьей верёвки. Гаврила встал рядом, закрепил меня и придержал за пояс: для следующего броска пришлось перегнуться через борт. Калле показался между волнами, совсем близко. Я бросил выше по ветру. Конец лёг у его плеча — и через мгновение там снова была только вода.

— Доску сюда! — крикнул я Йосту. — Широкую, которая у люка!

Один конец человек с заочевенными пальцами не удерживал. За край можно было зацепиться локтем. Я знал это с собственной реки и всё ещё чувствовал старую сваю ладонью.

Йост бросил за борт широкую пустую доску с привязанным концом. Она поднялась на гребне и ушла туда, где последний раз видели голову. Микк держал верёвку обеими руками и называл имя Калле каждый раз, когда мог вдохнуть.

Ответа не было.

Мартин провёл судно поперёк прежнего следа. Рейн предупреждал о нагрузке на мачту, но выполнял поворот. Два матроса стояли у борта с концами. Повар принёс закрытый фонарь, заслонил его телом и пытался поймать светом воду между волнами. Один раз мы увидели светлое пятно. Это оказался обломок ящика.

Лод ещё дважды пытался вернуться.

На третий раз старший рулевой сказал:

— Потеряем мачту.

Капитан не ответил сразу. Ветер выбрал за него ещё часть решения: парус хлопнул, сверху посыпались волокна повреждённой снасти. Рейн повторил:

— Ещё один поворот — не выйдем обратно.

Мартин смотрел в темноту. Потом поднял свисток.

— Ложимся на прежний курс, — приказал он.

Никто не ответил.

Шторм продолжался до рассвета. Мы откачивали воду, меняли упоры, резали испорченную ткань. Микк передавал команды с прежнего места. Каждый раз, когда требовалось позвать человека к корме, он делал короткую паузу перед чужим именем.

Утром ветер ослаб. На палубе лежали обломки, мокрая пакля и один сапог. Не Калле — чужой, сорванный с ноги раненого матроса. Но все смотрели на него как на тело.

Первой работой стал не подсчёт груза. Рейн назвал каждого по имени. Люди отвечали со своих мест. На имени Калле никто не отозвался; всё равно старший рулевой повторил. Потом ещё раз проверили трюм, лодку и пространство под кормовой надстройкой, хотя все знали, где он исчез.

Микк продолжал держать верёвку от пустой доски. Пальцы побелели, мокрый конец оставил красные полосы на ладонях.

— Отпусти, — сказал Йост.

— Он может держаться.

— Конец пустой.

— Не проверял.

Плотник взялся рядом и вместе с ним выбрал верёвку. Доска вернулась без человека. Только тогда Микк разжал руки. Он не заплакал. Поднял найденный сапог, увидел, что тот чужой, и швырнул к мачте так сильно, что попал в Павлов ларь.

Павел не сделал замечания.

Я вернулся к кормовому водостоку. Он был чистым: Калле успел вытащить паклю до волны. Его последняя работа осталась выполненной. От этого становилось не легче, а хуже. Невыполненное поручение можно исправить за мёртвого. Здесь исправлять было нечего.

Тённис сидел возле сорванного настила и держал обрывок пакли. На рукаве зияла дыра, оставленная Микковым ножом.

— Из старого шва, — сказал он.

— Уверен?

— Нет.

Это слово стоило ему усилия. Мастер привык отвечать за дерево и находить место поломки. Теперь причина лежала сразу в нескольких руках: старый шов, ремонт, забитая решётка, приказ привязаться, Каллин отказ, треснувший блок, мой несказанный окрик.

Мартин дал людям время выпить горячей воды. До разбора никто не получил возможности спрятать своё действие за общей усталостью.

Он собрал команду у мачты.

— Калле Саар не привязался по моему приказу, — сказал он. — Я видел. Маттис видел. Кто ещё?

Двое подняли руки.

— Запишем. Его долю рейса и месячную плату отдать матери. Ещё три шейкеля — из капитанской доли.

— Из владельческой тоже, — сказал я.

Лод посмотрел на меня.

— Почему?

— Водосток забился паклей из нашего ремонта.

Тённис вскинул голову.

— Её выбило из старого шва.

— Мы принимали работу.

— Это не значит...

Он замолчал. Любая защита сейчас звучала попыткой отойти от мокрого борта подальше.

— Запишем причину после осмотра, — сказал Мартин. — Деньги — сейчас.

Павел открыл журнал. Рука дрожала так, что перо царапало бумагу.

— Как написать? — спросил он.

— Правду, — ответил я.

— Какую? Он нарушил приказ. Пакля забила водосток. Волна ударила. Капитан начал поворот после броска верёвки. Ты видел и не крикнул.

Каждое предложение было правдой. Вместе они не давали одной причины.

— Напиши всё, — сказал Лод. — Море не даст нам расписку с ответом.

Мы вошли в Нарову вечером следующего дня. На причале ждала мать Калле. Кто-то успел отправить лодку вперёд.

Она не плакала. Выслушала капитана, взяла кошель и спросила:

— Где он?

— Не вернули, — ответил Лод.

— Значит, вы привезли деньги вместо сына.

Никто не нашёл правильных слов.

Она зажала кошель в кулаке так крепко, что побелели костяшки. Лод снял шапку. Мы остались перед ней, пока остальные сходили на берег.

Глава 8. Цена сухого трюма

Нарва, ноябрь 1553 года

После гибели Калле Тённис три дня не выходил из трюма.

На второй день мы с Павлом отнесли матери Калле полную выписку из журнала. Она жила в низком доме за канатными дворами. Крыша действительно текла: под тёмным пятном на потолке стоял пустой горшок. Возле печи сохли новые доски, которые сын успел купить после первого рейса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.